
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

DOI 10.22394/1682-2358-2020-3-4-15

P.A. Merkulov, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

D.N. Nechaev, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Humanitarian Disciplines, Voronezh Branch of the Plekhanov Russian University of Economics

E.S. Selivanova, Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Public Relations Department, Voronezh State Technical University

**BETWEEN AUTHORITARIAN
AND LIBERAL MODELS:
PECULIARITIES
OF FUNCTIONING
OF REGIONAL POLITICAL
REGIMES IN RUSSIA
(Case Study of the Central
Federal District Regions)**

The author's view on the typology of regional political regimes that determine the vector and direction of regional development is presented. The existing regional political regimes in the subjects of the Central Federal District are analyzed. It is revealed that the functioning of regional political regimes correlates with the efficiency of authorities and management in the subjects of the Russia.

Key words and word-combination: region, regional political regime, governance, democracy, modernization, spatial development.

П.А. Меркулов, доктор исторических наук, профессор, директор Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: merkulov-ra@rambler.ru)

Д.Н. Нечаев, доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (email: nechaevpolitia@rambler.ru)

Е.С. Селиванова, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью Воронежского государственного технического университета (email: arsep@list.ru)

**ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ
В СУБЪЕКТАХ РФ
(на примере областей ЦФО)**

Аннотация. Предложен авторский взгляд на типологию региональных политических режимов, предопределяющих вектор и направленность развития регионов. Анализируются сложившиеся региональные политические режимы в субъектах ЦФО. Выявлено, что функционирование региональных политических режимов коррелирует с эффективностью органов власти и управления в субъектах РФ.

Ключевые слова и словосочетания: регион, региональный политический режим, управление, демократия, модернизация, пространственное развитие.

В последнее время в российской политической науке актуализируется проблематика взаимосвязи и взаимозависимости, с одной стороны, между объективными условиями функционирования субъектов РФ, влияющими и на характер управления экономическими и социальными процессами региональной властью, с другой стороны — типами региональных политических режимов, оказывающих существенное воздействие на политическое развитие территорий. Подчеркнем, что управление в регионах может быть как эффективным, так и неэффективным, обеспечивать развитие территорий или способствовать их стагнации, усиливая тем самым «технологическое отставание» [1, с. 74], содействовать прогрессу или регрессу субъектов РФ.

В данном аспекте, на наш взгляд, следует обратиться к научной теории рассматриваемого вопроса, например, к таким ключевым понятиям и категориям, как «демократия», «региональные политические режимы», «управление», «отсталость», «стагнация», «прогресс», «развитие», «отставание», «модернизация». Кроме того, в прикладном разрезе важны несколько пар дефиниций, которые будут способствовать определению типов региональных политических режимов в семнадцати областях ЦФО, определяющих прогресс, стагнацию или регресс в социально-экономическом и политическом развитии территорий. Это «демократический режим — стагнация», «авторитарно-технократический режим — устойчивое развитие», «демократический режим — динамичное развитие», «авторитарный режим — стагнация».

В постсоветской России в период благоприятных 2000-х годов в сравнении с 1990-ми годами субъекты РФ, в том числе семнадцать областей Центрального федерального округа (ЦФО), по-разному использовали возможности и потенциал своих территорий для экономического роста и социального развития, институциональных изменений, способствующих политическому развитию и обеспечению общего (публичного) блага. Факторы, способствующие прогрессу территорий, выглядели следующим образом: ресурсный потенциал (полезные ископаемые, качественные земли); наличие промышленной инфраструктуры, способной производить конкурентные товары и услуги; инвестиционная привлекательность с прозрачными и открытыми правилами; кадровый потенциал; эффективное управление на уровне региона и органов МСУ.

При этом существовали и общие объективные условия для регионов ЦФО. В данном случае речь идет о преодолении отсталости. По оценке А. Гершенкрона, одного из исследователей этого феномена, в том числе и в постсоветской России, отсталость была характерна для ряда территорий, переживающих «период стагнации... характеризующийся низкими темпами экономического роста» [2, с. 66]. Они, согласно наблюдениям исследователя, не в состоянии были нарастить объемы производства продукции в отраслях, требующих специального технологического оснащения, перед ними стояли труднопреодолимые препятствия институционального характера.

Данный подход А. Геншенкрона применим, как представляется, не только к конкретным государствам, но и к регионам, в них включенным. Отметим, что необходимость преодоления отсталости стояла в период 2000-х годов пе-

ред большинством субъектов РФ. Более того, движение от социально-экономической отсталости вперед предполагает, по мысли Р. Нисбета, опору «на идею прогресса и на веру в прогресс... чтобы с их помощью преобразовать себя» [3, с. 476]. Следует также иметь в виду, что стоящая перед органами власти российских регионов задача развития территорий, достижения ими прогресса по-разному решалась в неблагоприятных ситуациях и в условиях жесткой конкуренции между ними, когда требовалось, согласно теории М. Портера, «создать устойчивую позицию на длительный срок и достичь превосходства над конкурентами» [4, с. 72].

Кроме того, перед органами власти и управления субъектов РФ стояла также цель обеспечить политическое развитие, являющееся не менее важной задачей, чем развитие социально-экономическое. В рамках социально-экономических изменений для субъектов РФ остается актуальной задача широкой модернизации отраслей экономики и социальной сферы. Одним из важнейших пунктов повестки дня развития регионов является проведение новой индустриализации с переходом промышленных производств к пятому и шестому технологическим укладам, или реиндустриализации. В ракурсе политической модернизации ключевыми целями региональных властей является активное участие в формировании национального единства, включая становление гражданской идентичности, стабильности власти, нахождения ценностных основ для согласия общества [5; 6, с. 99].

Вместе с тем процесс социально-экономической и политической модернизации, ориентированный на многоаспектный прогресс территорий, целесообразно рассматривать в неразрывной связи и единстве. Использование же в прикладных практиках органов власти и управления субъектов РФ только одного из данных направлений несет в себе значительные риски и издержки и не дает некоего общего для них алгоритма действий. В то же время желаемый для российских территорий научный подход в управлении основан на теории, изложенной в работах Ч. Тилли, Дж. Малгана, С. Хедлунда и других авторов. К примеру, Ч. Тилли рассматривает проблематику развития, прогресса стран и территорий в зависимости от уровней дееспособности правительств и развития демократии, в опоре на государство, в руках которого имеется «наибольшее количество средств принуждения» [7, с. 26].

В свою очередь, западный исследователь Д. Сартори справедливо подчеркивает тезис о том, что демократия изначально была политической демократией. Однако в постиндустриальном обществе мы также говорим и о демократии в «неполитическом или субполитическом смысле, как когда мы слышим о социал-демократии, промышленной демократии и экономической демократии» [8, р. 8]. При этом важно подчеркнуть, что представленные категории во многом тождественны и несут в себе некую ответственность за противоречивое состояние, как отмечал данный исследователь, запутанной демократии. А именно, необходим теоретический подход и прикладные практики для объяснения различий между политической и неполитической демократией. Такая позиция Д. Сартори созвучна тезису еще одного западного исследователя, Дж. Малгана, который, с одной стороны, подчеркивает растущее усложнение демократии,

а с другой — акцентирует внимание на том, что в практической деятельности органов власти и управления невозможно обойтись без нее, без политического участия институтов гражданского общества в выработке и осуществлении государственных стратегий [9, с. 76].

Следует также иметь в виду, что на социально-экономическое развитие и прогресс регионов (регионализм можно определить как «стратегию региональных элит») [10, с. 157] существенное влияние оказывают и типы региональных политических режимов. В политической науке данную дефиницию исследовали как зарубежные политологи Х. Линц, А. Степан, Г. О’Доннел, Ф. Шмиттер, Д. Асемоглу, Б. Мур-младший, так и российские политологи Р. Туровский, А. Салмин, Г. Сатаров и другие ученые. К примеру, Ф. Шмиттер, изучая демократические и авторитарные режимы постсоветских и постсоциалистических стран, акцентировал особое внимание на сложности их эволюции в рамках движения к демократическому устройству. Ф. Шмиттер в своих работах не идеализировал ни сам демократический процесс, ни демократические режимы, полагая, что демократия «не всегда работает хорошо» [11]. Более того, для демократических режимов характерны не только риски и издержки, но и политические шоки.

Разумеется, как зарубежные, так и отечественные исследователи отмечали важность становления демократических режимов в национальных государствах и их региональных территориях. Вместе с тем они обращали внимание на формирование гибридных режимов (демократура, диктабланда), не снимая с повестки дня определенную эффективность авторитарно-технократических режимов. В данном аспекте значимо обращение к работе Ф. Шмидтера и Т.Л. Карла, описывающих установление политических режимов в постсоциалистических и постсоветских республиках в начале 1990-х годов. Данные исследователи достаточно скептически оценивали функционировавшие демократические режимы с точки зрения эффективности управления экономической и социальной сферами. В то же время Ф. Шмидтер и Т.Л. Карл отмечали, что их авторитарные антагонисты (речь идет о гибридных и авторитарно-технократических режимах) могут показывать образцы успеха. При этом ученые полагают, что демократический процесс не всегда идет рядом с экономическим ростом и социальным миром в переходных обществах [12, с. 146].

На определенную трансформацию демократических режимов указывал и П. Розанваллон, полагая, что эти режимы претерпели значительные преобразования, став гораздо «менее одномерными, монистическими» [13, с. 155, 304]. Данный автор, ориентируясь на идеал демократического режима, считает, что он должен базироваться на трех новых формах: беспристрастности, рефлексивности и близости к людям. Естественно, в ракурсе политического развития трансформация авторитарных режимов на общенациональном и субнациональном уровнях желательна как в направлении гибридных, так и демократических режимов. В основе этих изменений лежат институциональные перемены, в том числе избирательные процедуры. К примеру, в России с 1990-х годов по 2004 г. и с 2013 г. по настоящее время главы субъектов РФ избирались и избираются населением региона.

Как отмечалось, движение стран и их регионов ориентировано на становление демократических политических режимов. Р. Арон полагает, что это сопряжено с высоким уровнем конкуренции различных политических сил общества при неравенстве экономических, организационных идеологических ресурсов [14, с. 29]. Кроме того, по мнению А. Пшеворского, объекты и цели политической конкуренции не всегда являются конвенциональными. Более того, причиной конфликтов и конкуренции часто «оказывается сам режим» [15, с. 60]. Есть еще один ракурс проблемы, на который указывает отечественный исследователь Ю. Сенокосов, отмечая, что привлекательность демократии как общественного процесса состоит в том, что он позволяет «существовать и уживаться всем» [16, с. 70]. Однако, на его взгляд, власть сама является проблемой при выборе того или иного политического режима.

При исследовании политических режимов особого внимания заслуживает позиция западного политолога Ч. Тилли. Он доказывает, что при движении к демократии и демократизации обязательно есть выбор одного из четырех видов демократии, а именно: сущностной, конституционной, процедурной и «ориентированной на процесс» [7, с. 21]. Следовательно, и при оформлении демократических политических режимов выбор конкретного вида демократии накладывает свой отпечаток на сам режим. Важно также иметь в виду, что и авторитарные, гибридные, недемократические режимы, режимы «сомнительной демократии» имеют свои особенности на территории постсоветских республик, в том числе и в Российской Федерации как на общенациональном, так и на субнациональном уровне.

А. Салмин, определяя демократию и, как производную, — демократический режим в качестве соотношения власти, бюрократии, гражданского общества и политики [17, с. 270], видит большие сложности в становлении данных феноменов в России. В свою очередь, О.Г. Харитоновна отмечает масштаб распространенных практик институционализации недемократических политических режимов на региональном уровне, находя в этом следствие процессов модернизации [18, с. 9]. На наш взгляд, становление недемократических режимов оказывается под воздействием не только экономических и социальных условий, но и отсутствия политических традиций открытой конкуренции субъектов политики.

Таким образом, проблематика недемократических режимов и переходы к демократии тесно взаимосвязаны с экономикой, в том числе региональной, обеспечивающей развитие территорий и их прогресс, а демократия (конституционная, сущностная, процедурная и ориентированная на процесс) и экономика логично коррелируются с управлением. Другой вопрос состоит в том, что управление может быть «хорошим» или «плохим», эффективным или неэффективным. Общепринятым мнением считается то, что хорошее и эффективное управление зависит от ряда факторов и условий. К примеру, Ч. Линдблом подчеркивает, что «рыночная система организует и координирует отдельные действия не посредством государственного планирования, но через взаимодействия продавцов и покупателей» [19, с. 15]. В рамках такого подхода правительства государств или команда губернаторов выполняет роле-

вую функцию диспетчеров, помогая сторонам достигать транзакций (сделок), влияющих на экономический рост и пространственное развитие территорий. М. Барзилей и Б. Армаджани, исследуя практики управления, подчеркивают фактор контроля над бюрократией. Важность такого социального формата состоит в том, чтобы «сделать деятельность органов государственного управления продуктивной и подотчетной» [20, с. 660].

Значимыми критериями эффективного управления, по оценке Л. Фуллера, «является непротиворечивость, общий характер норм, ясность и понятность норм, общеизвестность» [21, с. 15]. Отвечая на вопрос, каким должно быть хорошее управление, Г. Джордж Фредриксон делает акцент на эффективное, экономное и скоординированное управление различными госслужбами. При этом, считает он, внимание всегда должно быть сосредоточено на менеджменте высокого уровня. Обоснование же государственного управления «почти всегда означает лучший менеджмент» [22, с. 423]. Новая теория государственного управления при парадигме «больше услуг и выше их качество при имеющихся ресурсах» отвечает на важный вопрос: «Способствует ли государственная служба социальной справедливости?» [22].

Данная методологическая основа дает основание выстроить взаимосвязи и взаимозависимость типов региональных политических режимов с результатами социально-экономического развития субъектов РФ. В рамках данной гипотезы можно предположить, что авторитарно-технократические режимы на территориях постсоветской России оказались более успешными в социально-экономической сфере в сравнении с демократическими режимами или их гибридными формами. С целью доказательства этого тезиса обратимся к политическим практикам семнадцати областей ЦФР. Эмпирической базой исследования послужили данные Росстата по результатам развития этих регионов в период 2000-х годов, официальные ответы на запросы авторов в администрации (правительства) регионов, материалы контент-анализа СМИ, мнения и оценки региональных экспертов, полученные авторами методом Делфи (опрошены тридцать экспертов, представляющих все области Центральной России).

Существуют разные мнения по операционализации термина «политический режим». Так, на особой ценности данной категории в научных и прикладных исследованиях настаивает Р.Ф. Туровский, вместе с тем отмечая пределы его использования, в частности, при «определении региональных политических культур, региональных партийных систем и иных территориальных проекций» [23, с. 685]. Следует также учитывать влияние страновой ситуации на характер региональных режимов, а также то, что в ракурсе одного гетерогенного государства могут функционировать разные типы политрежимов — как устойчивые и зрелые, так и нестабильные, аморфные.

Итак, в рамках представленного исследования имеет смысл обозначить четыре основных научных подхода при определении региональных политических режимов в областях Центральной России: по уровню консолидации (консолидированный, неконсолидированный), по наличию политической оппозиции в субъекте РФ (конкурентный, безальтернативный), по степени рациональности

(прагматический, идеологизированный) и по специфике подготовки и принятия решений (авторитарный, либеральный). Последний подход требует ряда уточнений.

К примеру, рассматривая авторитарный режим, важно уточнить ряд его вариаций: исключительно авторитарный или авторитарно-технократический, моноцентрический или полицентрический, персонифицированный или коллегиальный. В отношении либерального режима стоит вести разговор о следующем выборе демократических или гибридных режимов: демократический, сомнительная демократия, недодемократический, диктабланда, демократура, а также о режимах персонифицированных или коллегиальных, моноцентрических или полицентрических.

Не менее значим общий контекст и схожие тренды в функционировании большинства постсоветских республик, которые накладывали свой отпечаток на управление социально-экономическими и политическими процессами, на институционализацию региональных политических режимов в каждом из новых государств, включая Россию. Этот контекст и эти тренды достаточно объективно отражены в работе С.П. Глинкиной и И.И. Орлика, которые выделили тенденцию демодернизации и даже архаизацию отраслей экономики и сфер социальной жизни [24].

Можно выделить ключевые элементы складывающихся политических конструкций на постсоветском пространстве. Во-первых, это институционализация политических систем (ПС), как правило, с жестким авторитарными режимами, вместо плюралистической демократии. В исключительных случаях ПС представляли собой хрупкие дефективные демократии [24, с. 71.]. Во-вторых, активно развивался процесс атомизации социума вместо становления и развития институтов гражданского общества. В-третьих, в социально-экономических системах постсоветских республик доминировал капитализм кланово-периферийного типа, с деградацией промышленных и агропромышленных предприятий, значительным уровнем деинтеллектуализации профессиональной отраслевой деятельности; все это вместо социальной, рыночной экономики, открытой и прозрачной.

Разумеется, основными ориентирами в деятельности федеральных и региональных органов власти, МСУ в период благоприятных 2000-х годов стали модернизация экономики и социальной сферы, переход на модель нового государственного управления (административная реформа 2004–2008 гг.) и укрепление вертикали власти в формате «суверенной демократии», которая предполагает «свою самобытную демократию» [25, с. 44] вне зависимости от внешних факторов и влияний. Данный общефедеральный тренд авторитарной консолидации, как полагает ряд отечественных исследователей, сформировал в 2014–2016 гг. новый транзит «от форм конкурентного, мягкого авторитаризма, характерного для второй половины 2000-х годов, к более жесткой форме» [26, с. 51], опирающейся на расширение зоны государственного контроля.

Данные политические тренды отразились на общей ситуации в регионах РФ, включая складывание и трансформации региональных политических режимов, которые, в зависимости от объективных условий, традиций и субъективных

факторов, имели различные вариации. Кроме того, в рамках данного исследования описания понятий «авторитарный режим», «либеральный режим» с его демократическими и гибридными моделями не сопровождаются позитивными или негативными коннотациями. Более того, на наш взгляд, имеет смысл сделать акцент на Парето-эффективности данных режимов, которые либо способствовали социально-экономическому развитию территорий, либо приводили их к архаике, стагнации и отсталости.

Исследуя региональные политические режимы и их влияние на прогресс и развитие территорий, целесообразно выделить следующие закономерности. Прежде всего в областях ЦФО именно авторитарно-технократические режимы с моноцентрической, персонифицированной властью, обеспечили устойчивый экономический рост и пространственное развитие территорий, войдя по оценкам экспертного сообщества в группу регионов-лидеров. Это Белгородская область (губернатор Е. Савченко, руководит регионом с 1993 г.), Калужская область (экс-губернатор А. Артамонов, руководит регионом с 2000 г.), Липецкая область (О. Королев, руководил регионом в 1998–2018 гг., И. Артамонов — с 2018 г.). Аргументами в обосновании данной позиции стали высокий валовый региональный продукт (ВРП) и значимые цифры ежегодного привлечения инвестиций.

Данные региональные политические режимы по уровню консолидации являются консолидированными, по степени рациональности — прагматическими, по наличию оппозиции — безальтернативными. К примеру, в Калужской области все составы правительства региона базировались на блоке членов партии «Единая Россия» и беспартийных, участие оппозиционных парламентских политических партий (КПРФ, ЛДПР, СР) в деятельности исполнительной власти этого субъекта РФ не предполагалось. Вместе с тем, на наш взгляд, сама система исполнительной власти, несмотря на наличие в ней членов «ЕР», в большей мере является надпартийной.

К примеру партийное представительство состава Правительства Калужской области выглядит следующим образом:

2005 г.: общее количество членов Правительства — 11, ВПП «Единая Россия» — 8, беспартийные — 3;

2010 г.: общее количество членов Правительства — 24, ВПП «Единая Россия» — 18, беспартийные — 6;

2015 г.: общее количество членов Правительства — 22, ВПП «Единая Россия» — 15, беспартийные — 7;

2019 г.: общее количество членов Правительства — 22, ВПП «Единая Россия» — 16, беспартийные — 6.

Однако такая авторитарная консолидация, персонифицированная с именем А. Артамонова («подчинение авторитету, желание иметь сильного вождя» [27, с. 55]), позволила Калужской области достигнуть высокого уровня социально-экономического развития, перейти из регионов-доноров в регион-реципиент федерального бюджета. Кроме того, здесь в течение последних двадцати лет была проведена новая индустриализация с созданием автомобильного и фармацевтического кластеров. Региональная государственная про-

мышленная политика базировалась на развитой инфраструктуре, механизмах и инструментах поддержки инновационного бизнеса со стороны трехуровневой системы управления: федерального, регионального и местного. Значимой опорой такого динамичного социально-экономического развития субъекта РФ стала особая экономическая зона «Калуга».

Во втором десятилетии нового века в двух областях ЦФО институционализировались демократические региональные политические режимы: в Орловской области (губернатор В. Потомский, с 2013 по 2018 г.; А. Клычков — с 2018 г. по настоящее время) и в Смоленской области (губернатор А. Островский с 2013 г. по настоящее время). Данный тип регионального политического режима имеет следующие характеристики: по наличию оппозиции — конкурентный (губернаторы являются членами партии КПРФ и ЛДПР), по степени рациональности — идеологизированный, партийный, по уровню консолидации — неконсолидированный, по специфике принятия решений — либеральный, полицентрический. Вместе с тем данные регионы по уровню социально-экономического развития не входят ни в группу регионов-лидеров по ЦФО, ни к регионам-«середнякам» (таблица).

Типы региональных политических режимов

Регион ЦФО	По специфике принятия и реализации политических решений	По наличию оппозиции	По партийным мировоззренческим установкам	По уровню консолидации
Белгородская область	Авторитарный (моноцентрический, персонифицированный)	Безальтернативный	Прагматический (надпартийный)	Консолидированный
Брянская область	Либеральный (недемократический)	Безальтернативный	Прагматический (конъюнктурный)	Неконсолидированный
Владимирская область	Либеральный (сомнительная демократия, полицентрический)	Конкурентный	Прагматический (конъюнктурный)	Неконсолидированный
Воронежская область	Либеральный (сомнительная демократия, полицентрический, коллегиальный)	Конкурентный	Прагматический (внепартийный)	Неконсолидированный
Ивановская область	Либеральный (диктабланда, полицентрический, коллегиальный)	Конкурентный	Прагматический (конъюнктурный)	Неконсолидированный
Калужская область	Авторитарный (моноцентрический, персонифицированный)	Безальтернативный	Прагматический (надпартийный)	Консолидированный
Костромская область	Либеральный (демократура, моноцентрический)	Конкурентный	Прагматический (конъюнктурный)	Консолидированный

Окончание таблицы

Регион ЦФО	По специфике принятия и реализации политических решений	По наличию оппозиции	По партийным мировоззренческим установкам	По уровню консолидации
Курская область	Авторитарный (моноцентрический)	Безальтернативный	Прагматический (надпартийный)	Неконсолидированный
Липецкая область	Авторитарный	Конкурентный	Прагматический (надпартийный)	Неконсолидированный
Московская область	Либеральный (диктабланда, полицентрический, коллегиальный)	Конкурентный	Идеологизированный (партийный, ЕР)	Неконсолидированный
Орловская область	Либеральный (демократический, полицентрический, коллегиальный)	Конкурентный	Идеологизированный (партийный, КПРФ)	Неконсолидированный
Рязанская область	Либеральный (недемократический)	Безальтернативный	Прагматический (надпартийный)	Неконсолидированный
Смоленская область	Либеральный (сомнительная демократия, полицентрический)	Конкурентный	Идеологизированный (партийный, ЛДПР)	Неконсолидированный
Тамбовская область	Авторитарный (моноцентрический)	Безальтернативный	Идеологизированный (партийный, ЕР)	Консолидированный
Тверская область	Авторитарный (моноцентрический)	Безальтернативный	Прагматический (надпартийный)	Консолидированный
Тульская область	Авторитарный (моноцентрический, персонифицированный)	Безальтернативный	Прагматический (надпартийный)	Консолидированный
Ярославская область	Авторитарный (моноцентрический)	Безальтернативный	Прагматический (внепартийный)	Неконсолидированный

Политологический анализ оставшихся двенадцати из семнадцати областей ЦФО позволяет утверждать, что в период 2000-х годов в силу ряда объективных и субъективных причин (к примеру, частой сменяемости глав большинства регионов округа) в них преопределился тренд, который можно обозначить как маятник режимных трансформаций: от демократических и гибридных режимов к авторитарно-технократическим (Тульская, Московская, Ярославская и другие области), и наоборот, от авторитарно-технократических к гибридным и демократическим режимам (Владимирская, Воронежская, Рязанская и другие области).

Функционирование региональных политических режимов логично сопоставлять с эффективностью органов власти и управления в субъектах РФ. В

этом отношении есть смысл принять во внимание ключевые критерии, введенные в научный дискурс итальянским политологом, экономистом и социологом В. Парето. Суть данного понятия, вошедшего в различные социальные науки как Парето-эффективность, состоит в том, что любые решения на общенациональном или субнациональном уровне не могут быть приняты как эффективные, если не ухудшают или не улучшают социально-экономического положения различных страт общества. Эффективность в данном случае определяется, во-первых, эффективностью в реальном секторе экономики, в частности, в промышленном производстве; во-вторых, в эффективном производстве социальных благ; в третьих, в эффективном распределении полученных благ [28, с. 34].

Таким образом, в Белгородской, Калужской и Липецкой областях в период 2000-х годов наблюдалось существенное приращение общего (публичного) блага. В этих регионах удалось не только сохранить промышленные производства, не допустив деиндустриализации, но и перейти к новой индустриализации в рамках четвертой промышленной революции, пятого и шестого технологических укладов. Это логично укладывается в подход С. Хеддунда о добавленной ценности в сфере управления, которая является альтернативой чисто распределительной деятельности.

Иная направленность характерна для регионов ЦФО, где доминировали демократические или гибридные режимы. В частности, по оценке авторов, в восьми из семнадцати областей Центральной России произошла жесткая деиндустриализация, которая ухудшила положение многих социальных групп (в регион «ржавого пояса» [5, с. 206] входят Воронежская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Ивановская, Костромская, Владимирская области). Вследствие неэффективного управления и сложных согласований при гибридных и демократических режимах возникают побочные эффекты, «антиблага».

В связи с этим учет характера и направленности складывающихся региональных политических режимов в субъектах РФ становится важным с точки зрения выработки стратегического видения пространственного и социально-экономического развития территории.

Библиографический список

1. Постсоциалистический мир: итоги трансформации: в 3 т. / под общ. ред. С.П. Глинкиной. СПб., 2019. Т. 1: Центрально-Восточная Европа.
2. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред. А.А. Белых; пер. с англ. А.В. Белых. М., 2015.
3. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, Гр. Сапова. М., 2007.
4. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. 6-е изд. / пер. с англ. М., 2016.
5. Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С. К «новой» индустриализации: политические условия реализации региональной государственной промышленной политики в Российской Федерации (на примере областей ЦФО). Воронеж, 2018.

6. Егоров В.Г., Маммадов М.М., Штоль В.В. Консервативная модернизация постсоветских политических режимов. СПб., 2017.
7. Тилли Ч. Демократия / пер. с англ. Т. Менской. М., 2007.
8. Sartory G. The Theory of Democracy Revisited. Chatam House Publishers, Inc., 1987.
9. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Я. Охонько. М., 2011.
10. Бусыгина И., Захаров А. Sumergosogito. Политический мини-лексикон. М., 2006.
11. Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Пределы власти / под ред. В. Игрунова, Г. Павловского; науч. ред. С. Кордонский; ред. перевода В. Зелендинова. М., 1994. С. 27–49.
12. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Что есть демократия? // Вся политика: хрестоматия / сост. В. Нечаев, А.В. Филиппов. М., 2006. С. 142–147.
13. Розанваллон П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость / пер. с франц. Н. Богдановой. М., 2015.
14. Пишеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / пер. с англ. под ред. В.Бажанова. М., 2000.
15. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с франц. Г. Семенович. М., 1993.
16. Сенокосов Ю. Власть как проблема: Опыт философского рассмотрения. М., 2005.
17. Салмин А. Современная демократия: очерки становления. 2-е изд., расш. и испр. М., 1997.
18. Харитонова О.Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 9–30.
19. Линдблом Ч. Рыночная система: Что это такое, как она работает и что с ней делать / пер. с англ. Д. Шестакова, Р. Хаиткулова. М., 2010.
20. Барзилей М., Армаджани Б. Прорыв сквозь демократию // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003. С. 654–683.
21. Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.; Челябинск, 2016.
22. Фредриксон Г. Джордж Путь к новому государственному управлению // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003. С. 423–441.
23. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006.
24. Глинкина С.П., Орлик И.И. Центральная и Восточная Европа и Россия на рубеже XX–XXI веков // Трансформации на постсоциалистическом пространстве / отв. ред. С.П. Глинкина; сост. И.И. Орлик. СПб., 2009. С. 67–94.
25. Лукашевский С. Демократия в России – 2005: радикальная «суверенизация» // Демократия вертикали: сборник статей / сост. А. Верховский. М., 2006. С. 19–44.
26. Политическое развитие России. 2014–2016: Институты и практики авторитарной консолидации / под ред. К. Рогова. М., 2016.
27. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В. Култыгина. М., 2001.
28. Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М., 2011.